

Вацлав Воровский

Раскол в «темном царстве»

Вацлав Вацлавович Воровский

Раскол в «темном царстве»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23583417

Аннотация

«Когда вы читаете произведения Островского, когда вы всматриваетесь в изображаемое им «темное царство», вы невольно подмечаете одну характерную черту: есть нечто, объединяющее всю эту массу типов, нечто общее и добрым и злым среди них, и бедным и богатым, и глупым и умным. Как бы они ни разнились по индивидуальным вкусам, положениям, способностям и наклонностям, как бы ни смотрели в частном случае на тот или иной вопрос, всех их объединяет одна общая, психологическая печать...»

Содержание

Вацлав Воровский

Раскол в «темном царстве»

Когда вы читаете произведения Островского, когда вы всматриваетесь в изображаемое им «темное царство», вы невольно подмечаете одну характерную черту: есть нечто, объединяющее всю эту массу типов, нечто общее и добрым и злым среди них, и бедным и богатым, и глупым и умным. Как бы они ни разнились по индивидуальным вкусам, положениям, способностям и наклонностям, как бы ни смотрели в частном случае на тот или иной вопрос, всех их объединяет одна общая, психологическая печать. Богатый Кит Китыч и бедный сирота племянник, конечно, очень различно оценивают одни и те же общественные явления, но все их разногласия во взглядах и вкусах покоятся на общей психологической подпочве, на «типичной психологии»¹ данного сословия. Различия отдельных групп этого сословия еще не настолько обострились, самые группы не настолько обособились и индивидуализировались, чтобы выработать самостоятельную характерную психологию, — одним словом, они не приобрели еще резко выраженных классовых черт, а остаются отдельными группами того же замкнутого круга, того же «темного царства». Бедный племянник, случайно разбогатев, очень скоро утратит взгляды времен бедности, асси-

¹ Выражение профессора Овсяннико-Куликовского.

милируется с своими богатыми собратьями, станет тем же Кит Китычем и по отношению к ним, и по отношению к своим же бедным племянникам. Точно так же и Кит Китыч, разорившись и обеднев, не утратит своей типичной сословной психологии. Одним словом, среди различных представителей этого «темного царства», как бы ни различались они по внешним условиям, нет принципиальных противоречий в их миропонимании, они говорят еще понятным им всем языком, хотя, конечно, одни громче, другие тише.

Эта характерная черта героев произведений Островского, или, вернее, того общественного слоя, к которому они принадлежат, еще ярче выступает, если мы сопоставим их с характеристикой другого общественного слоя в ту же эпоху и в той же стране – именно с характеристикой дворянства в повестях Тургенева. В то время как герои Островского живут, радуются и горюют, борются, страдают и гибнут в замкнутом кругу, как бы за какой-то китайской стеной сословной огражденности, у Тургенева мы попадаем в самую середину пресловутого спора «отцов» и «детей», – спора, вынесенного на широко открытую арену общественной жизни, хватившего далеко за тесные пределы дворянской среды, ставшего крупным общественным явлением. Дворянские отцы и дети той эпохи расходились не только во взглядах на тот или иной частный вопрос, их разделяло не преходящее различие возраста, способностей, взаимной зависимости, а коренное противоречие «типичной психологии». От основно-

го ядра дореформенного, крепостнического дворянства еще за много десятилетий до эпохи освобождения начали отделяться, частью направо, частью налево, протестующие элементы, сначала поодиночно, потом все большими и большими группами; процесс этот, сдерживаемый в значительной мере неблагоприятными внешними условиями, не дававшими исхода вновь нарождавшимся силам, продолжался и рос в скрытом виде и к концу 50-х годов достиг такого напряжения, что первый внешний толчок превратил всю накопившуюся энергию в широкое общественное движение, направив правую часть на общественное преобразование, известное под названием «великих реформ», левую же – кающееся дворянство – толкнув в ряды «безымянной Руси».

Если вы проследите жизнь и борьбу этих двух направлений между собой, а равно и с породившей их главной массой старого дворянства, и проследите от первых зачатков раскола до наших дней, когда эта борьба все еще не улеглась, – вы увидите, что в процессе этого распада однородного прежде первого сословия в государстве, в процессе этой борьбы отцов и детей, а точнее, может быть, отцов, детей и пасынков, в каждом из вновь образовавшихся слоев развивалась и складывалась особая характерная психология, отличная по существу от психологии отцов, а во многом прямо противоположная и враждебная ей.

Если мы теперь сопоставим сказанное о героях произведений Островского и Тургенева, то невольно возникает во-

прос: чем же объясняется столь различное положение обоих сословий – отпорность и замкнутость одного, внутренняя неустойчивость и слабость другого? Лежит ли причина этого во внутреннем строе, в каких-либо особых качествах, присущих каждому из них, или же ее следует искать в более или менее благоприятных внешних условиях? Относительно последнего мы знаем, что внешние условия вообще более благоприятствовали дворянству, предоставляли ему больше возможности и власти обеспечить прочность своего существования, и тем не менее это же дворянство, представлявшее прежде такое же замкнутое солидарное целое, не могло уберечься от раскола. Но мы также знаем, что внутренний строй какого-нибудь общественного слоя только до тех пор представляется крепкой стеной, пока удовлетворяет самосознанию этого слоя, то есть «типичной психологии» его членов. Но лишь только в его кругу возникают потребности и запросы, противоречащие этой «типичной психологии», замкнутый круг лопается, солидарность исчезает. Таким образом, мы должны исследовать, какие силы сдерживают цельность «типичной психологии» данного общественного слоя и какие влияния в силах нарушить эту цельность, вызвать распадение этой психологии. Из такой постановки вопроса следует наше основное положение: существуют известные общественные процессы и явления, обуславливающие ту или другую «типичную психологию», существуют условия, при которых психология эта глубоко прони-

кает данные общественные круги, царя в них безраздельно и безапелляционно: существуют, наконец, условия, которые подкапывают устои этой психологии, выдвигая противоположное ей миропонимание, разрушая существующий общественный слой и создавая новые. Если это положение верно, то и для «темного царства» может прийти момент, когда «отцы» и «дети» перестанут понимать друг друга, когда между ними непроницаемой стеной станет различие их «типичных психологии». И этот момент, по-видимому, наступил. Литература, изучающая и характеризующая быт и нравы «темного царства», развившаяся с легкой руки Островского и составляющая теперь уже целую библиотеку, – обогатилась в последнее время двумя произведениями, разбирающими в той же форме – драматической – наболевший, по-видимому, вопрос: столкновение «отцов» и «детей» в среде «темного царства». Одно «Дети Ванюшина» г-на Найденова, другое – «Мещане» г-на М. Горького. Постараемся же присмотреться к тем условиям, которые могли вызвать это столкновение, и проверим наши выводы по наблюдениям г.г. Найденова и Горького.

Положим, что мы имеем перед собой какую-нибудь общественную группу: например, купеческое сословие времен Островского. Группа эта возникла и сложилась в историческом ходе по основному закону – закону приспособляемости психологии к общественно-экономическим условиям и потребностям. Люди, живущие в тех же общественно-эконо-

мических формах, снискивающие себе существование тем же родом занятия, приобретают по необходимости те же характерные психологические черты, выражающиеся в тождественных моральных и правовых понятиях, в аналогичных взглядах, вкусах, потребностях, в сходственном мировоззрении. Эта «типичная» психология данной группы находится, таким образом, в полном соответствии с ее общественно-экономическим бытом, является его производной и, со своей стороны, обуславливает все активные проявления группы: ее стремления, идеалы, ее роль в обществе и отношения к другим группам. Конечно, эта приспособленность психологии к хозяйственным потребностям группы возникает не сразу, не с первого дня зарождения самой группы, а складывается путем медленного, тяжелого, подчас очень мучительного, полного борьбы, процесса. Более или менее полная приспособленность наблюдается лишь на ступени полного развития, когда первоначальный процесс образования можно считать законченным. Это, если можно так выразиться, момент внутренней гармонии данного общественного агрегата, момент группового самосознания, насколько такое самосознание может развиваться на почве взаимоотношений разных групп в данном обществе в данный исторический момент². Таким образом, мы видим, что это групповое са-

² Нередко исторические условия не позволяют данной группе развиваться и индивидуализоваться до выработки своего группового самосознания и активной борьбы за свое мирозерцание: так было со «средним сословием» в шляхетской Польше, так же было и с мелкой буржуазией на Руси.

мосознание, эта «типичная психология» является сложной функцией общественно-экономических потребностей данной группы и вне групповых влияний на нее остального общества. Это значит, что при изменении какой-либо из этих переменных должна меняться и сама функция их, то есть сама психология группы: а мы знаем, что с течением времени меняется в ходе эволюции весь общественный строй, меняются, стало быть, и те элементы, которые составляют общественно-экономический фундамент нашей группы, меняются и те, которые через посредство других групп так или иначе воздействовали на психологический уклад ее. Наряду с этим активным фактором истории действует и пассивный фактор ее – общественная инерция. Эта инерция выражается в том, что, как отдельные личности, так в еще большей степени общественные группы не способны воспринимать и привносить в свою психологию все мелкие, постепенные изменения в жизни общества. Объективный ход развития в его бесконечно малых приращениях, бесчисленный ряд мелких изменений, входящих в жизнь, как частью сознательный, частью несознанный результат индивидуальной борьбы и работы, недоступны во всех своих подробностях коллективному сознанию. Только когда целый ряд их суммируется в более крупную величину, становятся они фактором, способным влиять на психологию групп. Наряду с этим фактом общественной инерции не менее важную роль играет способность всякой общественной группы видеть и позна-

вать общественные явления лишь сквозь призму своей «типичной психологии»; как цветное стекло пропускает лишь лучи определенного цвета, поглощая все прочие, так и эта психология пропускает в сознание людей лишь те элементы внешней жизни, которые так или иначе укладываются в рамки этой психологии. Очевидно, что из-под ярма общественной инерции легче выйти единичному сознанию, чем коллективному, легче личности, чем группе. Мало того; более чуткой к общественным изменениям, более объективной в их оценке, более прогрессивной является личность, так или иначе стоящая вне группы, вне влияния ее «типичной психологии», то есть личность, ушедшая из данной общественной группы или же еще не совсем вошедшая в нее. В первом случае мы имеем дело с так называемым *declasses*, продуктами разложения, о чем ниже будет еще речь, во втором – с молодым поколением, еще не усвоившим вполне психологию отцов и не обретшим прочной опоры в участии в хозяйственной жизни своей группы. В силу этого накопившиеся изменения легче оказывают действие на молодые, несложившиеся умы, чем на завершившие свое развитие, остановившиеся на определенном образе мышления; другими словами, молодые поколения легче усваивают новые потребности и новые веяния, и внутренний перелом в жизни общественных групп по преимуществу выражается в форме столкновения «отцов» и «детей».

Присмотримся ближе к этому процессу. Под влиянием

окружающих ребенка явлений, понятий, взглядов, вкусов, симпатий и антипатий рано слагается в его душе фундамент того, что со временем становится его душевным строем, его «психологической формой»³, в которой он будет воспринимать все явления внешнего и своего внутреннего мира, тем психологическим априори, от которого он уже не отделается во всю жизнь, без которого немислим ни один реальный человек. Среда, окружающая ребенка, может быть, конечно, очень разнообразна: семья, школа, внешкольное общество, улица, соприкосновение с чуждыми ему группами, чтением и т. п. Под перекрестным влиянием этих факторов и плюс ещё природных качеств индивида слагается психологический облик будущего гражданина, слагается и его обособленная, индивидуальная физиономия, и ее видовой, общественный оттенок. Влияния эти, вообще говоря, бывают очень сложны и очень различной силы и нередко кажутся случайными. Вопрос о закономерности их и об исторической и психологической необходимости преобладания тех или других – очень сложный вопрос, и здесь, конечно, не место браться за решение его, но мы попробуем наметить некоторые существенные пункты, которые укажут нам на существование известной закономерности в группировке факторов и в их влиянии на душевный уклад человека.

Всю совокупность указанных выше влияний мы можем разделить на две больших группы: в первую зачислим сумму

³ Тоже выражение проф. Овсяннико-Куликовского.

всех тех явлений и влияний, какого бы характера они ни были, которые способствуют сохранению в ребенке черт, присущих душевному укладу его родителей и той общественной группы, к которой они принадлежат. Эти влияния назовем охранительными факторами. Ко второй группе отнесем все те влияния, которые стремятся ослабить или уничтожить действие факторов охранительных и внести в психологию подрастающего человека новые черты, чуждые, нередко даже враждебные мирозерцанию породившей его группы. Это – факторы разрушительные. Столкновение и борьба этих двух групп факторов определяют направление, в котором сложится психология данной личности. Здесь перед нами целая гамма оттенков, в зависимости от величины того или другого слагаемого. Личность может получиться точным портретом своих отцов, но может, в другом крайнем положении, почти ничего не иметь с ними общего. И подобного рода «отщепенцев» от своей общественной группы мы можем найти всегда и всюду. Но чтобы это явление утратило свой индивидуальный, случайный характер и стало общественным фактом, необходимо, чтобы причины, вызывающие его, носили широкий общественный характер, другими словами, чтобы преобладающие факторы, преобладающие влияния обуславливались общественными, историческими процессами и воздействовали на широкие общественные круги и, таким образом, были не индивидуального, а общественного свойства. Для этого нам придется вышеиз-

ложенное взаимодействие двух групп факторов, так сказать, поставить на общественную почву; тогда мы увидим, что соотношение их определяется сочетанием двух исторических моментов: роли данной общественной группы в жизни всего общества и ступени исторического развития этой группы. Между этими двумя явлениями существует известная внутренняя зависимость, но мы не будем входить в ее рассмотрение, так как это только усложнит вопрос, нисколько не способствуя его ясности.

Всякая группа, то есть общественный агрегат, связанный единством материальных и общественных интересов, самым фактом своего существования поставлена в необходимость борьбы. В борьбе этой и состоит ее развитие, а в развитии этом можно отметить три крупных этапа: борьба за самознание, борьба за правовое обеспечение, борьба за власть. Как иллюстрацию можем привести историю рабочего класса в Германии за последние полвека. Деятельность Лассаля, утверждавшего, что немецкий рабочий так жалок, что он даже сам этого не замечает, была первой стадией этой борьбы. Нужно было людям разъяснить их же положение, их же классовые интересы. Вторая стадия – борьба за право – вылилась в современном парламентаризме. Третья стадия составляет пока главным образом предмет теоретических споров. Но такое плавное развитие указанного класса возможно было только благодаря громадному значению самого класса в жизни общества и благоприятным общественно-право-

вым условиям. Обыкновенно же ход развития осложняется столкновениями и борьбой с другими общественными классами, стремящимися тем же путем к той же конечной цели. Так, например, мы знаем уже, что старое русское купечество, достигнув только правового обеспечения своих материальных интересов, замерло на этой ступени, и для дальнейшего развития пришлось ему путем тяжелого процесса разложения преобразоваться и приспособиться к изменившимся требованиям жизни. Поэтому для уяснения себе общественных условий, влияющих на уклад «типичной психологии» групп и личностей, необходимо принять во внимание взаимоотношение обоих указанных исторических моментов: общественной роли данной группы и ступени ее развития.

Относительно этих двух моментов можно установить следующие общие положения: чем более крупную роль играет известный общественный слой в жизни страны, то есть чем сильнее и могущественнее он, тем сильнее сказывается группа охранительных факторов, тем отпорнее данный общественный агрегат на чужие влияния, тем прочнее сохраняется и передается в нем традиция, тем полнее, стало быть, перенимают и усваивают молодые поколения мирозерцание отцов. И наоборот, чем слабее данная общественная группа, чем ничтожнее ее роль в жизни общества, тем более поддается она внешним, чуждым влияниям, тем сильнее оказывают свое действие на молодое поколение разрушительные факторы, тем легче отпадают от этой группы бо-

лее даровитые и активные члены, тем больше она подвержена процессу диффузии – взаимного обмена с другими группами.

То же самое можно сказать и о втором историческом моменте. Зарождающиеся общественные группы страдают обыкновенно всеми недостатками слабых общественных групп. Но по мере того как группа растет, усиливается, она начинает приобретать известные специфические черты, а вместе с тем в ней развивается и крепнет групповое самосознание. С этого момента она начинает заявлять о своем мировоззрении, ставить свои требования, одним словом – играть определенную общественную роль. С этого же момента начинает расти ее внутренняя солидарность и сила, развивается ее ценность и отпорность в сохранении своих видовых черт и устранении чужих влияний, – иначе говоря, охранительные факторы берут безусловный верх над разрушительными. И это продолжается до тех пор, пока она не достигнет кульминационной точки в своем развитии. Но общественная группа не может вечно покоиться на лаврах, направляя свою, прежде боевую, энергию на заботу о сохранении приобретенных благ; как бы ни старалась она «психологически» изолировать себя от всего общества, она не может так же изолировать область своей экономической деятельности, составляющей только часть хозяйственной жизни общества. И эта хозяйственная жизнь в постоянном развитии вовлекает в это развитие и хозяйственные интересы нашей группы, внося та-

ким образом разлад между ее психологией и изменяющимися потребностями. А лишь только наступил этот момент, тотчас же проявляется в данной группе внутреннее разложение, равновесие сил нарушено, и разрушительные факторы начинают все более и более преобладать над охранительными. Возникает разлад между «отцами» и «детьми», «дети» бегут, и всю общественную группу охватывает указанный выше процесс диффузии. Но в дифференцированном обществе, где существование личности, вообще говоря, невозможно вне групповых делений, разложение общественной группы должно сопровождаться или образованием новых групп, или проникновением отложившихся элементов в существующие уже группы. И действительно, в истории наблюдаются оба эти явления: с одной стороны – возникновение общественных новообразований, с другой – поглощение продуктов разложения данной группы другими существующими группами. Но, разумеется, этот факт перераспределения элементов распадающихся групп, свидетельствующий о закономерности и о единстве процесса развития общества, проявляется только тогда, когда самый этот процесс принимает широкий общественный характер. Общественные законы считаются только с крупными массами, безжалостно давя личности. Группы разлагаются не сразу: десятки, сотни одиночек, «лишних людей» гибнут, прежде чем подготовится почва для работы таких же, как они, прежде чем найдется для них место и функция в общественном механизме.

Итак, сочетание двух исторических моментов – роли данной группы в обществе и ступени ее развития – создает общественную почву, на которой то или другое взаимодействие указанных выше воспитательных факторов, та или другая равнодействующая их, приобретает широкое общественное значение, обуславливая собой целые направления или течения в общественной жизни. Пойдет эта равнодействующая ближе к направлению охранительных факторов, – и человек выйдет верным сыном своих отцов, в противном случае он может совсем выродиться и отречься от родной группы. Между этими крайними типами, очевидно, существует целый ряд переходных типов, тяготеющих к тому или другому полюсу. Для последующего изложения нам нужно остановиться на среднем типе, то есть на таком, в котором и охранительные и разрушительные факторы вошли очень крупными слагаемыми. Очевидно, что таким образом не может выработаться цельный общественный тип, и мы имеем здесь перед собой очень интересный образчик раздвоенной психологии. Принимая в себя элементы двух чуждых и непримиримых мировоззрений, этот тип не может найти в своем «я» единой исходной точки, с которой весь мир представлялся бы в правильной перспективе. У него таких точек две. И он бессознательно прилагает к одному ряду явлений одну точку зрения, к другому – другую, в зависимости от того, какие явления в процессе его развития обыкновенно сочетались с влиянием охранительных и какие с влиянием

разрушительных факторов. Особенно резко сказывается эта психологическая двойственность при сопоставлении общественной и личной жизни людей.

От этого среднего типа переход к крайним определяется перевесом того или другого слагаемого. Если мы еще немного остановимся на изображенной нами механической схеме, то можем заметить, что почти немислимо, чтобы охранительные факторы превратились в нуль, а следовательно, невозможно и равнодействующей слиться с другим слагаемым: это значит, что личности почти невозможно всецело отрешиться от влияний той общественной группы, из которой она вышла. Иначе говоря: как бы цельно и полно не усвоила себе данная личность психологию и мирозерцание новой группы, в ней сплошь да рядом сохраняются, хотя бы в Зачаточном состоянии, элементы «типичной психологии» породившей ее группы.

Та мещанско-купеческая среда, которую приходилось наблюдать и изображать Островскому, представляла законченный и вполне сложившийся общественный организм, приспособленный к определенным условиям жизни. Условиями этими были: с одной стороны, хозяйственный строй дореформенной Руси и роль торгового класса в этих хозяйственных отношениях, с другой – социальная роль этого класса и то место в обществе, которое было отведено ему другими классами. Политическая энергия класса, не найдя себе применения извне, обратилась внутрь, уйдя вся на со-

здание той замкнутости, цельности и внутренней дисциплины, – сплошь да рядом нечеловечно-жестокой, – которую мы встречаем в картинах, рисуемых Островским. В этих картинах перед нами встает крупная общественная группа, вполне сложившаяся и достигнувшая высокой степени развития, с сильно развитым самосознанием, резко выраженной «типичной психологией», очень цепкая и отпорная.

Самым важным явлением быта дореформенной Руси было взаимоотношение двух главных общественных классов – помещного дворянства и крестьянства, – взаимоотношение, выразившееся в крепостном праве. Оно определяло весь хозяйственный строй страны, а следовательно – и тот уклад торговых отношений, какой мог сложиться при отсутствии свободного труда и широко развитой промышленности, при полунатуральном хозяйстве, отсутствии транспортных средств и т. п. Психология «темного царства» должна была приспособиться к этим условиям хозяйственного быта, а фиксация сложившихся общественных классов в форме сословий придавала особую силу внутренней дисциплине группы, обеспечив надолго преобладание охранительных факторов. Быт «темного царства» пришлось изучать Островскому накануне эпохи реформ, то есть накануне крупного переворота во всей русской жизни. Каковы бы ни были реальные условия, вызвавшие акт 19 февраля, несомненно, что в производственных отношениях и во всем хозяйственном укладе страны многое уже переменялось, назрели элементы

новой жизни и так или иначе отзывались на психологии отдельных групп общества. Эти изменяющиеся условия необходимо должны были влиять и на хозяйственный быт «темного царства», порождая там новые потребности, интересы и в связи с этим новые понятия, взгляды, вкусы. Эти новые черточки в психологии некоторых элементов не могли проявляться наружу в силу того гнета сословной атмосферы, который насильственно сдвигал все до уровня общепринятых сословных понятий. Но они существовали, существовали в скрытом, потенциальном состоянии. Они ждали только того толчка, который освободит их от пут, двинув все «темное царство» на путь развития или разложения. И действительно, как ни стеснительны были для развития всего общества, в том числе и мещанско-купеческого класса, внешние условия жизни дореформенной Руси, – класс этот настолько приспособился к этим условиям, что довольно было устранения их, довольно было предоставить возможность свободного развития, – и внутреннее разложение началось. Такую решающую роль по отношению к «темному царству» сыграли известные реформы 60-х годов. Они открыли широко двери новому хозяйственному порядку, пахнули свежим воздухом в затхлую атмосферу царства Кит Китычей, а вместе с тем выволокли и самих Кит Китычей из их темных углов на свет, выволокли и вовлекли в сутолоку широкой общественной жизни. Новая жизнь быстро начала проникать в замкнутую среду, вызывая новые мысли, создавая

новых людей. Но, конечно, легче всего поддались новым веяниям те более живые и восприимчивые элементы, о которых мы только что упоминали, психология которых созрела уже на почве изменившихся условий; доминирующее течение в «темном царстве» налагало свой отпечаток на всю группу, подавляя до поры до времени все несоответствия и противоречия. Но как только внешние и внутренние условия подорвали авторитет доминирующего течения, – все эти скрытые несоответствия и противоречия прорвались и резко выступили наружу. Но чтобы разъедающее начало, которое развитие вносит во всякий разлагающийся организм, проникло в самое сердце «темного царства», нужно было время. Время это шло, и в настоящий момент мы имеем возможность присутствовать при самом процессе разложения – том историческом процессе, который в лабораторных условиях показывают нам г.г. Найденов и Горький в своих драмах.

Процессы разложения показывают они нам на общественной ячейке – семье, относя его к тому критическому моменту раскола – столкновению «отцов» и «детей», – который, как мы указывали, является самым характерным в этом процессе. Старое поколение представлено двумя родительскими парами – супругами Ванюшиными и Бессеменовыми. В обоих произведениях старики так схожи по типу, что нам нет надобности разбираться в тонкостях различий их характеров. Надо заметить, что фигуры стариков несравненно рельефнее и полнее обрисованы обоими авторами, чем

молодежь. И это вполне понятно. «Дети» находятся еще *im Werden* (в процессе становления, образования (нем.)), – трудно с точностью указать, к чему они придут, да и было бы большим прегрешением против художественной правды, если бы авторы вздумали рельефнее подчеркнуть те характерные черты их, которые еще только складываются и формируются. Не то «отцы». Там жизнь выработала вполне законченные типы, все черты их характера отчетливы и резки, как морщины на их лицах, и какими бы грубыми мазками вы ни вздумали писать их, они невольно будут выделяться как рельефы. Перед нами высятся две мощные фигуры отживающего мира – со всеми их пороками и добродетелями, с их силой и ничтожеством, с их преступлениями и страданиями. Авторы сумели ярко оттенить и выдвинуть на первый план известные положительные стороны их характеров, так что все отрицательное, дурное, пошлое в них представляется нам в известном отдалении, смягчающем контуры и тени. Не в атмосфере любви и добродетели, конечно, делали свое состояние эти «отцы», когда они, по выражению одного из них, «жили, работали... грешили... может быть, много грешили...». Но именно в том, что при данном конфликте «отцов» и «детей» авторы подчеркнули положительные стороны «отцов», много художественной правды; ибо в этом конфликте важно отметить бессознательную, стихийную необходимость раскола, его историческое значение, отметить, что новое побеждает старое помимо его положительных сторон,

мало того, что дурное новое неизбежно побеждает хорошее старое, ибо Vernunft становится Unsinn (*разумное* становится *нелепостью* (нем.)), ибо «две правды», как говорит Татьяна. А что побеждающее начало далеко от идеала добра, это мы сейчас увидим.

Несколько выше, говоря об условиях разложения общественных групп, мы указали на то, что процесс разложения идет в разных направлениях, создает целый ряд новообразований. Под влиянием различных сочетаний охранительных и разрушительных факторов могут получаться самые разнообразные продукты того же процесса разложения. Представители «детей» в рассматриваемых нами драмах дают довольно богатый материал для анализа указанного процесса с этой точки зрения. Чтобы разобраться в этом разнообразии, мы сперва выделим и рассмотрим два типа этих продуктов разложения: один тип тот, который, являясь отрицанием породившей его группы, в то же время удерживает основные элементы ее «типичной психологии». Он утрачивает многие черты психологии «отцов», отбрасывает весь внешний уклад их жизни, их вкусы, привычки, понятия, но сохраняет их основную, классовую идею. Отбрасывает, если можно так выразиться, всю преходящую форму этой идеи, сохраняя ее содержание, для которого он создает новую форму, лучше отвечающую новым условиям жизни. Этот тип только наружно отрицает ту группу, из которой вышел, – в сущности, он является ее продолжателем и преемником.

Другой тип, о котором мы будем говорить, – это тот, который дальше всего ушел от отцов. Его психологию характеризует минимум охранительных элементов и максимум разрушительных.

Итак, мы имеем два типа: с одной стороны, непонятный «отцам» новатор, но кость от кости и плоть от плоти «отцов», с другой – «отщепенец», *declassé*, порывающий все связи с родной группой. Представителем первого типа является Константин («Дети Ванюшина»), представителем второго – Нил («Мещане»).

Прежде чем говорить о типах, выведенных в «Детях Ванюшина», нам необходимо оговориться. Основной недостаток всей драмы г-на Найденова, особенно сильно сказавшийся на обрисовке молодого поколения, – это слабая типизация. Герои «Детей Ванюшина» являются по большей части недостаточно типичными, слишком индивидуальными, точно так же, как недостаточно типичны и все обстоятельства драмы и сама ее развязка. В основе художественно-драматического творчества лежит воплощение в индивидуальных образах (характерах) общественно-психологических типов, – именно то, что можно назвать типизацией действительности. Этого-то в произведении г-на Найденова слишком мало, благодаря чему вся драма производит скорее впечатление артистической фотографии, чем художественного произведения. Поэтому при разборе созданных г-ном Найденовым типов нам придется самим несколько расширять и

обобщать их⁴.

Константин Ванюшин представляет интересный тип уже тем, что в нем, так сказать, бессознательно отражаются и сказываются новые потребности. Он вовсе не «идеолог» своего класса, он вообще неумен и малосодержателен, притом порядочный байбак. Но в то же время вы видите, что он, хотя и без общего плана, без ясно сознанный цели, идет по тому направлению, по которому – может быть, несколько скорей и разумнее – пошел бы самый умный и сознательный представитель его направления. С самого детства обстоятельства складывались для него благоприятно. Несмотря на все домостройские замашки стариков, в дом проникли кое-какие новшества – проникли через прислугу, приживалов и т. п. Так мы узнаем, что такой сильный охранительный фактор, как воспитание, совершенно отошел от родителей и преобразился во враждебный ему разрушительный фактор. «Вы рождали нас и отправляли наверх, – упрекает другой сын Ванюшина старика отца. – Редко мы спускались к вам вниз, если не хотелось пить и есть, и вы поднимались к нам только тогда, когда находили необходимым ругать нас и бить». При этом мы узнаем, что с этого «верху» дети нередко по крышам убегали из дому. Конечно, и в былое время случалось то же, но теперь многое изменилось вне дома. Убегать из дому

⁴ В задачу настоящей статьи не входит художественный разбор обеих драм, ни психологический разбор созданных авторами типов. Поэтому мы остановимся над этими последними, лишь поскольку это необходимо для иллюстрации выказанного раньше.

значило подпадать под чуждые влияния, значило уходить из-под охранительных влияний под разрушительные. Но дальше – еще хуже. Наступает школа. «За людьми лез, дураков слушал, – учил... – жалуется старик, – научил на свою голову». Школа, конечно, еще сильнее повлияла если не на мысли и убеждения, то на вкусы, привычки, взгляды молодого Ванюшина. По окончании гимназии он собирается даже в университет, но, по-видимому, без особого труда отказывается от него, чтобы принять участие в делах отца. Отец его всю жизнь, подобно своим отцам, следовал старому купеческому принципу, что хозяйский глаз и хозяйская рука должны входить во всякую мелочь. Лавка была для него центром, альфой и омегой его жизни. Ради лавки старики добивались общественных должностей, пролезали в члены управ, в городские головы; общественная деятельность была лишь путем и средством укрепления своей торговой позиции, служила тем же индивидуально-коммерческим целям. Только будущему поколению, – «детям» – суждено было пойти по новому пути, не ограничиваясь обеспечением своего хозяйственного и правового положения, стремиться к участию в политической жизни, к участию в «строительстве жизни», по словам Маякина, более выгодном, чем близорукое хищение «отцов». Молодой Ванюшин едва ли уяснил себе новые принципы, – но его уже несколько не занимают торчанье в лавке и личный надзор за каждой копейкой: он чувствует, что новое время тянет его на более широкое поприще, что

близка новая постановка дела, с разделением труда, с вовлечением хозяйственной деятельности в круговорот широкой общественной, точнее – политической – жизни. Отец, конечно, далек от понимания этих новых требований и новой психологии: для него сын кажется просто лентяем. «Не выйдет из него проку, – жалуется он, – ничего не знает, ничем не интересуется». Но не думайте, что Константину чужды интересы наживы: когда отец в пылу ссоры произносит слово «разорение», в молодом Ванюшине сразу пробуждается будущий делец. «Разорения я во всяком случае не допущу! – авторитетно заявляет он. – Вам все равно, а у меня еще целая жизнь впереди». И вы можете быть уверены, что легкомысленно он не разорится, и если случится такой грех, то скорей вследствие рискованной операции, сулившей хороший барыш. Не думайте также, что высшие мотивы благородства побуждают его с гордостью отвергнуть брак на купчихе Распоповой. Он, конечно, смотрит иначе на семью, чем его родители, и в конце концов сватается за особу, к которой чувствует несомненное влечение. Но помимо этого не простая случайность, что его невеста генеральская дочь. Неуверенно, полусознательно, но он идет по верному пути. Для его новых понятий и вкусов нужно и новое поле деятельности. Ему недостаточно переменить обстановку квартиры, – ему нужно известное общество, нужны связи, а этого он может достигнуть, только женившись на особе со связями и с положением в обществе. Что он в этой среде нашел девушку, которая воз-

будила в нем искреннее чувство, – это явление случайное, это, так сказать, индивидуальная черточка в общественном факте. Если бы он не нашел невесты по сердцу, он, быть может, дважды подумал бы, прежде чем жениться, но в конце концов, вероятно, таки женился бы на «связях». Те же черты реорганизованного мещанства руководят им и в повседневной мелочной жизни. Его претит от мещанского крохоборства родителей, от экономии на масле и сыре и т. п., но в то же время его возмущают те черты старого купечества, которые до известной степени являлись положительными сторонами его: благотворительность по отношению к бедным родственникам-приживалам и известные отношения равенства между хозяевами и заслуженной прислугой. Его претит от всей этой патриархальности. В его современно-мещанской голове рисуется другой тип домостроя: отделение работника от нанимателя, освобождение бюджета от «лишних ртов», улучшение культурных условий своей личной жизни.

Нужно заметить, что Константин Ванюшин – тип переходный и поэтому страдает неопределенностью и противоречивостью переходных типов, но уже по отмеченным чертам можно судить, как и куда пойдет вполне завершившийся, аналогичный ему тип. Такой завершившийся тип – не новость в русской литературе, как не новость и в русской жизни. Его неоднократно фотографировал и рекомендовал публике, например, г-н Боборыкин.

Второй отмеченный нами тип, представителем которого

мы назвали Нила, требует некоторых оговорок. По существу своему он является отколом, «отщепенцем» от той общественной группы, из которой он вышел. В то время как предыдущий тип представляет высшую форму, дальнейшую стадию в развитии известной общественной группы, этот тип является лишь отбросом в процессе этого развития. Из этого мы можем сделать выводы: первое, что возникновение этого типа представляет количественно менее крупное общественное явление, и второе, что легче всего в этот тип должны переходить те элементы данной группы, которые слабее всего проникнуты ее «типичной психологией». Так, мы знаем, что в 50 – 60-е годы, в момент внутреннего перелома в дворянстве, от него отделялось немало элементов этого второго типа, известных в литературе под названием «кающихся», и это течение, безусловно, было количественно значительно меньше, например, того, которое создало первый тип. Мы могли бы здесь показать, что при теперешнем разложении мещанско-купеческой среды этот процесс должен быть слабее, чем он был в аналогичных условиях в дворянстве. К сожалению, это слишком отклонило бы нас от темы, поэтому укажем только на два фактора, лежащие в основе этого различия. Во-первых, историческая обстановка разложения купечества совсем другая. При разложении дворянства был громадный спрос на интеллигенцию во всех сферах жизни. Существовали почти исключительно интеллигентские течения, вроде «безымянной Руси», которые поглощали массу

этих общественных отбросов. В настоящее время условия другие: та же «безымянная Русь» комбинируется из других элементов; спрос на интеллигенцию хотя и не уменьшился, а даже сильно возрос, зато иначе распределяется, причем главная масса ее идет в промышленные, административные и тому подобные сферы. Во-вторых, раскол в «темном царстве» происходит иначе и по характеру своему, так сказать, по темпу. Он развивается медленно, постепенно, нормально. В дворянстве же в свое время проявление происшедшего уже разлада тормозилось внешними условиями. Благодаря этому он принял после Крымской войны очень резкий характер настоящего переворота. Этот болезненный темп сказался и на количестве «отбросов», и на их распределении в обществе.

Итак, мы не должны ожидать, что в рассматриваемом нами процессе разложения «темного царства» сильно выразится возникновение второго типа – «отщепенца». Количественно этот процесс окажется слабее. Зато тем резче должен выступить второй признак этого процесса, указанный нами выше, – именно сильное влияние разложения на элементы, менее всего проникнутые «типичной психологией» группы. Этим, на наш взгляд, объясняется то, что представителем указанного второго типа в драме г-на Горького является Нил, не сын, а приемный Бессеменов. Попал он в дом своего приемного отца уже десяти лет от роду, – быть может, уже с известным запасом впечатлений, мало располагающих к мещанскому складу мысли. Хотя в доме он принят

как родной, но все-таки ему приходится чувствовать, что он не сын. В то время как родные дети Бессеменова получают образование, ему рано приходится тянуть трудовую лямку, зарабатывать и нести заработок в дом. Этот личный тяжелый труд со всеми его отрицательными сторонами, общество таких же тружеников, ежедневные столкновения с капиталом на службе, с семейным авторитетом дома – все это обладает такой чудовищной воспитательной силой, перед которой пасуют все охранительные влияния домашней обстановки. Не думайте, однако, что Бессеменов смотрит на Нила как на чужого и эксплуатирует его только как рабочую силу. Нет, он готов для него создать такое же мещанское счастье, как и для своих детей, быть может, несколько меньше, но качественно такое же. Так, он хочет женить его на богатой невесте, вероятно, готов был бы пристроить его к делу; кто знает, может быть, он согласился бы и на брак его с Татьяной, если бы он сам захотел. Нил для него далеко не чужой, к тому же старик умеет ценить цельность и силу характера приемыша. Но таковы уж условия переходного времени, что домашние, воспитательные влияния бессильны против разрушительной мощи внешних факторов. И вот в этом юноше, воспитанном в затхлой мещанской среде, складывается жизнерадостная, боевая психология. «Интересная штука – жизнь», «большое удовольствие жить на земле». Его цельная натура доступна всему богатству внешних впечатлений, он жадно хватается их и наслаждается ими. Но он знает, что в жизни много темно-

го, дурного, несправедливого. Он слишком близко стоит к жизни, чтобы проглядеть это. И вот наряду с его жизнерадостностью развивается другая черта – потребность борьбы. Пусть жизнь старается, сколько хочет, сковать и обуздать человека, стремящегося к счастью, – напрасно! «Я заставлю ее ответить так, как захочу!» «Наша возьмет. И на все средства души моей удовлетворю мое желание вмешаться в самую гущу жизни... месить ее и так и этак, тому – помешать, этому – помочь... вот в чем радость жизни».

В личности Нила для нас особенно ценно то, что это не книжный человек, что его взгляды и суждения вынесены не из учебников политической экономии и других руководств, а возникли в нем стихийно, под давлением окружающей жизни. Да и вряд ли можно говорить об его взглядах и суждениях: если таковые у него имеются, так и то лишь в самом отрывочном, необобщенном виде. Гораздо ценнее и интереснее то настроение, которое не позволяет ему примириться с жизнью и толкает его вперед. Как бы ни было ничтожно содержание мыслей Нила, одно уж это настроение ручается, что он сумеет его обогатить, сумеет осмыслить свою неудовлетворенность, сумеет найти цель в жизни, ибо, как говорит Лука («На дне»), «кто ищет – найдет... Кто крепко хочет – найдет». Но для нас интересно еще одно обстоятельство: одно совпадение, имеющее широкий общественный смысл: в речах Нила, речах, повторяем, не вычитанных из книжек, а органически вытекающих из груди верно подмеченного худож-

ником типа, – в этих речах мы слышим знакомые нотки того гимна жизни, который лет десять тому запели по Руси люди, «чему-то смеявшиеся, чему-то радовавшиеся», по выражению их «отцов». Отголоски этого жизнерадостного гимна далеко пронеслись, захватывая не слыхавших его с колыбели людей, заражая своим бодрым настроением совсем чуждые ему элементы, вдохновляя поэтов, художников и много-много самых простых незаметных людей на творчество, на борьбу, на жизнь. Как призыв обновления звучит этот гимн в устах Нила, неся всем благовест возрождения из душных, пропитанных плесенью и деревянным маслом домов Бессеменовых и Ванюшиных, призывая всех на свет, на воздух, на простор. И Нил, обращаясь к другим Нилам, вправе будет сказать, как он говорит Елене: «Вы меня поймете. Я пел сейчас славу жизни! Ну, говорите: жизнь – удовольствие», ибо

Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben,
Der taglich sie erobern muss!⁵

Мы остановились прежде всего на этих двух крайних типах, во-первых потому, что они являются самыми выдающимися, самыми характерными представителями нового поколения, вырастающего из разлагающейся массы «темного царства», а во-вторых – потому, что они, эти крайние ти-

⁵ Лишь тот достоин жизни и свободы, Кто каждый день за них идет на бой. «Фауст» Гете пер. Н.А. Холодковского

пы, выходят на жизненную арену более всего приспособленными, у них больше всего шансов выжить в общественной борьбе, им принадлежит будущее. Остальные, промежуточные типы, или погибают, или влачат бесцветное существование, или же идут в конце концов на поводу у одного из этих двух крайних типов.

Для иллюстрации остановимся на некоторых из этих промежуточных типов. Вот, например, дети Бессеменова: Петр и Татьяна. Они представляют характерные образчики той раздвоенной психологии, на которую мы указывали выше. Элементы мещанства перемешались в них с теми специфическими чертами отживающего старого интеллигентского типа, который мы встречаем в драмах г-на Чехова. В выработке душевного уклада детей Бессеменова одинаково сильно сказались и охранительные и разрушительные факторы. Но характерно, что в то время, как первые производили известную положительную работу, создавая в них несколько смягченную мещанскую психологию, вторые действовали исключительно отрицательно, развивая в них критическое отношение к окружающей действительности, ненависть к внешней стороне мещанского уклада жизни. Ни учительство Татьяны, ни студенческая жизнь Петра не могут увлечь их надолго: это было лишь похмелье в чужом пиру. Но едва хмель прошел, их охватила безотрадная тоска. Широкая, немещанская общественная деятельность чужда их мещанской психологии, жизнь для наживы и накопления – против-

на их интеллигентскому чутью. Остается жить лишь для личного счастья, – но и здесь тихое мещанское счастье претит своим мещанством, а для полной, разносторонней, богатой впечатлениями жизни в мещанских душах нет ни широты полета, ни силы воли, ни даже силы желания. В этом – проклятие половинчатых, раздвоенных психологии.

Весьма возможно, что Петр сумеет отделаться от мнений и взглядов, навешанных ему интеллигентской средой, и вернется к своему естественному облику, то есть станет опять «мещанином, бывшим гражданином полчаса», – но он уже никогда не отделается от своей психологической раздвоенности и, какой бы деятельностью ни занялся, неминуемо будет идти на поводу хотя бы того же Константина Ванюшина. Ну, а Татьяна и этого удовольствия лишена; она уже теперь человек погибший, и, хотя бы прожила еще сорок лет, жизнь ее – пустой призрак. Несколько иной тип представляет младший Ванюшин – Алексей. Все его воспитание характеризуется, между прочим, тем, что, разрушая все традиционное, унаследованное, мещанское, что могло запасть в его душу, оно не внесло в нее ничего положительного. Вся нравственная сила, которая удерживает его от окончательной гибели и толкает к лучшей жизни, покоится на тех немногих понятиях общеморального свойства, которые запали ему в душу помимо усилий его воспитателей и нашли благоприятную почву в положительных чертах его характера. Впрочем, и испорченность Алексея представляет больше внешнюю распущен-

ность, чем нравственную развращенность. Первые положительные влияния он встречает уже в Петербурге. Автор ничего не говорит нам о дальнейшей судьбе Алексея и о характере этих новых влияний. При известной интенсивности и направлении их могут в значительной мере затеряться вынесенные из дому черты, и Алексей может близко подойти к типу Нила, но весьма возможно, что отцовские черты сильно скажутся на складе его «типичной психологии» – и он останется промежуточным типом, с неясно выраженной общественной физиономией. В этом случае он, конечно, не сыграет общественной роли и осужден в лучшем случае прозябать безвестно.

Все эти, рассмотренные нами, типы интересны не только как герои данной драмы, судьбой которых сумел заинтересовать нас автор, но именно как общественные типы, как продукты общественного процесса. По всей России происходит тот же исторический процесс разложения старосветской мещанско-купеческой среды, и всюду приводит он к более или менее сходным результатам, ибо тождественна разлагающая среда, тождественны и внешние условия, и внутренние факторы разложения. Благодаря этому тождеству процесса появляющиеся в результате его типы представляют общественные типы, которые тотчас же в силу общественного тяготения стремятся к группировке, к уяснению общих им потребностей, понятий, вкусов, одним словом – к формулировке своего мировоззрения, своего группового самосозна-

ния на почве общей им психологии, их «типичной психологии». Процесс разрушения неизбежно вызывает процесс со-
зидания. Неутомимо снует челнок на станке истории и ткёт по кусочкам будущее «бессмертное платье» божества – че-
ловечества.

1903